
Андрей Любимов
Ведьма
под домашним
арестом

Диана Фурсова
Ведьма под домашним арестом

https://litres.ru/74813244

Аннотация

Я выбрала двадцать восемь суток дома вместо сорока двух марок штрафа. Думала, что с книгами, работой и запасом хорошей бумаги скучать мне не придётся.

А потом в окне напротив появился Бальтазар Веккер — торговец пряными орехами с наглой улыбкой и непослушной прядью. Сначала он принёс мне орехи, потом остался на кофе, а теперь я слишком часто смотрю на часы и выбираю платье к позднему ужину.

Я всё ещё мечтаю выйти на улицу, но всё чаще ловлю себя на другом желании: пусть он снова постучит в мою дверь.

Скоро печать домашнего ареста исчезнет, и за порогом нас будет ждать целый город. Захочет ли Бальтазар быть со мной и там — или для него я всего лишь приятное домашнее приключение?

Содержание

Глава 1. Четвертый день 4
Глава 2. Пакет без записки 15
Глава 3. Приглашение с перцем 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Глава 1. Четвертый день

К полудню четвертого сентября моя кухня выглядела так, будто здесь ожидали прибытия важной особы величиной с яблоко. Над столом покачивались три бумажных павильона, по полке тянулась желтая гирлянда, а на спинке стула сидел сложенный из красного листа павлин. Я сама посадила его туда, потому что в этой квартире хоть кто-то должен был держаться с достоинством.

Я завтракала стоя. На стуле с павлином сидеть было нельзя, на втором лежала бумага, а третий подпирал ножку стола: утром я решила выровнять столешницу, достала старую прокладку и куда-то ее положила. Собственная хозяйственность уже два часа мешала мне пить чай.

Веерный узел под потолком разогнал воздух. Желтые треугольники зашелестели, павильоны повернулись разом, точно к дорогим гостям, и шелуха от вчерашних семечек послушно поползла к краю стола. Я подставила блюдце. Узел сделал очередной оборот, и вся шелуха полетела обратно в мою чашку.

— Прекрасно, — сказала я. — Теперь у нас чай с характером.

Из противоположного окна отозвались:

— А веник у вас с каким характером?

Я подняла голову. Через четыре метра двора, в кухонном

окне третьего этажа, стоял мужчина с полотенцем на плече. Темные волосы у него были еще влажными; на широкой груди сходился жилет, застегнутый не на те пуговицы. Мужчина держал деревянную ложку и смотрел на меня с недопустимым для чужого утра удовольствием.

Я знала его в лицо. Он торговал орехами возле водяных часов, и однажды я купила у него два пакета вместо одного, пока он рассказывал, как отличить честного голубя от бессовестного. Разницу я забыла еще до дома, орехи оказались хорошими. По двору мы прежде обменивались кивками.

— Веник занят, — ответила я. — Готовится к повышению.

— Скажите ему, что место на вашей кухне уже освободилось.

Мне следовало закрыть окно. Вместо этого я сняла с чашки мокрую скорлупку и показала ему.

— Это не беспорядок. Это опыт.

— Тогда я бы не пил результат.

Он сказал это не сразу: сначала поглядел на ложку, словно проверял, не привлекли ли и ее к научной работе. Мне понравилась пауза. Она была наглой, но в ней оставляли место моему ответу.

— У вас жилет косо застегнут, — заметила я.

Мужчина посмотрел вниз.

— Я думал, это новый фасон.

— На площади оценят.

— На площади я за такое беру дороже.

Он убрал ложку и начал перебирать пуговицы. Я вдруг обнаружила, что продолжаю смотреть. Отвернуться, когда человек уже заметил твое внимание, оказалось почти так же трудно, как открыть дверь и пройти через нее. С дверью у меня, правда, было простое объяснение.

С полудня первого сентября на притолоке темнела печать домашней санкции. Она замыкала всю квартиру, а не только дверной проем; у окна меня ждала та же мягкая невидимая преграда. Я знала это без дополнительных опытов. При установке регистратор попросила меня медленно шагнуть наружу, и я уткнулась в воздух, который вдруг отказался расступаться. В тот момент я еще считала происшествие занятным.

К четвертому сентября занимательность заметно убавилась.

Я могла принимать гостей и заказы, передавать вещи, распахивать створки, слушать город и смотреть, как люди внизу свободно переходят от одной грязной лужи к другой. Даже сосед с первого этажа, который каждое утро жаловался на необходимость идти за хлебом, казался мне счастливцем, не умеющим обращаться со своим счастьем.

За моей спиной захрустело. Красный павлин упал со стула и раскрыл половину хвоста. Я сняла веерный узел, развязала остаток нитки и положила бумагу на полку. Воздух успокоился. На кухне стало очень тихо, если не считать мужчины напротив.

— Птица не согласилась с опытом? — спросил он.

— Птица изволила сесть.

— На пол?

— У меня свободная птица. Хочу отметить разницу.

Он перестал улыбаться так широко, но жалости на лице у него не появилось.

— Вам еще долго?

— До полудня двадцать девятого. С точностью, достойной лучшего применения.

— Я слышал про гусей.

— Разумеется. В этом дворе все слышали про гусей. Даже те, кого не было, слышали их лично.

— Меня как раз не было. Я торговал.

— Значит, у вас существует редкая возможность никогда не узнать подробностей.

Он поднял обе руки, соглашаясь, и исчез в глубине кухни. Я услышала стук ложки о край посуды. Мне захотелось добавить что-нибудь еще, но обращаться к пустому окну было уже слишком явным признанием, что разговор доставил мне удовольствие.

Я выловила из чая остальную шелуху и вылила чай.

Гусей было одиннадцать. Бумажных, белых, с дерзко вытянутыми шеями. На соседском обеде я хотела провести их над праздничным столом, чтобы Кондрат Пей, торжественно разрезавший пирог, наконец перестал говорить о правильной толщине корки. Ветер во дворе сменился, мои птицы

сбились в стаю и потянули за собой гирлянду. Гирлянда зацепила скатерть. Дальше мне еще несколько раз хотелось рассказать все смешно, но итог не становился лучше от удачного голоса: стол опрокинулся, еда оказалась на камнях, и вечер Кондрата закончился совсем не так, как он рассчитывал.

Люди успели отойти, зато посуда такой возможности не получила. Восемнадцать марок за нее и остальные потери я отдала сразу. А поскольку с уличными чарами без разрешения я попадалась уже второй раз, затем мне предложили выбор: еще сорок две марки штрафа или двадцать восемь суток дома.

Я выбрала дом. Даже подписала бумагу красивым росчерком.

Сорок две марки казались чрезмерной платой за то, что можно было переждать в собственной квартире с душем, книгами и запасом хорошей бумаги. Порядок обжалования мне объяснили, но спорить с решением я не стала. Я прекрасно помнила и гусей, и свое желание удивить всех. Кроме того, осенью мне хотелось поехать к воде, купить новое пальто, а не финансировать городскую строгость.

Теперь я с удовольствием отправила бы на каникулы и пальто, и собственную расчетливость.

В прихожей стукнули. На пороге стоял доставщик с плоской корзиной.

— Хлеб, сыр, яблоки. Еще сливки просили, но у лавочни-

ка только большая бутылка.

— Большая меня не унизит.

Он поставил корзину на табурет внутри прихожей. Для него невидимого препятствия не существовало. Я отсчитала за покупки деньги, добавила два медяка за доставку и придержала дверь, пока он укладывал пустые холщовые мешки. Надо было только не забывать делать заказ заранее; хлеб не зависел ни от чьего доброго настроения.

— Завтра понадобится что-нибудь?

— Лимон. И обычный веник, маленький.

Доставщик кивнул без малейшего интереса к моему падению с высот искусства и ушел. Я закрыла дверь. Сигнальная нить рядом с косяком покачнулась от сквозняка. Ее проверили при установке печати и велели дергать, если срочно понадобится выйти. Тогда должен был прийти дежурный. Ради скуки пользоваться нитью мне бы и в голову не пришло. Хотя к скуке у меня уже накопились вполне серьезные претензии.

Я перенесла покупки на кухню, нашла прокладку для стола в сахарнице и села завтракать второй раз. Красный павлин лежал рядом, беспомощно распустив хвост. Я поправила складки без чар. Обычная бумага, обычные пальцы, никакого двора. Получилось аккуратно и, к моему раздражению, красиво.

Береника пришла после двух. Она принесла свернутую карту, мешочек слив и такую жажду чая, будто в других кварталах его разучились заваривать.

— Почему у тебя над столом беседки? — спросила она вместо приветствия.

— Павильоны.

— Они мешают сесть.

— У них высокое назначение.

— У меня низкое. Я хочу на стул.

Она без церемоний сняла павильон с длинной нитки, положила его на подоконник и устроилась напротив. Я не любила, когда мои украшения переставляли, зато Беренику любила достаточно давно, чтобы позволять ей проверять это обстоятельство.

Мы познакомились лет пятнадцать назад на танцах. Она тогда порвала край юбки о скамью, а я сказала, что с таким разрезом придется танцевать лучше, иначе замысел пропадет. Она рассмеялась и попросила булавку. С тех пор у нас обеих были другие юбки, другие мужчины и прежняя способность не вовремя говорить правду.

— Ты уже передумала насчет бухты? — спросила я.

Береника развернула карту на моем прекрасном, наконец ровном столе.

— Я передумала насчет комнаты с видом на склад. Хозяйка первой ночлежки очень ловко называла склад морским пейзажем. Нашла другую, там окно во двор, зато до воды сорок шагов. Я посчитала по рисунку. Возможно, у художника были длинные ноги, но четыре улицы он бы не спрятал.

Она ткнула пальцем в маленькую голубую кляксу.

— Пятое, шестое и седьмое октября. Как договорились. От пристани четыре часа по воде, если погода обычная. Восемь марок с каждой на дорогу и комнату. Еду будем брать отдельно. И я намерена купить там ужасно непрактичную шляпу.

— В октябре?

— Именно поэтому ее никто у меня не попросит.

Я подалась над картой. У бухты художник нарисовал три лодки, длинный пирс и куполообразное дерево. Последнее явно придумал. Но от рисунка веяло простором, и я захотела в комнату с дворовым окном так сильно, будто сейчас сидела не возле своего такого же.

— Я не передумала, — сказала я. — Даже если до пятого октября на мне вырастут обои.

— Тогда возьми полосатые. Они тебе идут.

Я достала из ящика кошелек и пересчитала марки не для нее, а для себя. Из девяноста шести, оставшихся после компенсации Кондрату, на покупки пока ушла небольшая часть. Восемь марок я отделила в конверт и написала на нем «Бухта». Отдавать деньги нужно было позже, вместе с оплатой мест. Пока достаточно было сделать поездку видимой.

— А девять за сентябрьские украшения ты еще получишь? — спросила Береника.

— Когда сдам весь комплект. Здесь все, что нужно. Гостиная на восток, заказчица любит желтый цвет, курьер заберет. Единственное затруднение: мне положено сидеть дома, а я

вынуждена сидеть дома за работой.

— Это действительно жестоко. Скучать бесплатно приятнее.

Мы ели сливы над блюдцем. Береника рассказала, как в каталог тканей попал образец под названием «молчаливое золото», а торговец, заметив ошибку, потребовал оставить: женщины, по его мнению, должны были оценить редкость сочетания. Я предложила подписать рядом черный бархат «разумный мужчина». Подруга засмеялась с набитым ртом и сердито махнула на меня рукой.

Мне стало хорошо. Карта лежала перед нами, стол больше не качался, и за следующим смешным замечанием не приходилось тянуться через весь день.

Потом из окна напротив донеслось:

— Странно. Без узла у вас все летает гораздо лучше.

Береника повернулась. Сосед уже был одет для работы: чистая рубашка, тот же жилет, на этот раз застегнутый прилично. Он держал широкий короб с ручкой. Я поняла, что он слышал наш смех, и почему-то захотела немедленно сообщить, что смешила именно я.

— Мы обсуждаем ваше воспитание, — сказала я.

— Напрасный расход хорошего дня.

— Оно правда нуждается в отдельном вечере, — поддержала Береника.

Он посмотрел на нее, потом на меня.

— Сразу предупреждаю: за наблюдение за мной платы не

вношу.

— Пока качество позволяет обойтись без нее, — ответила я.

Он усмехнулся и потянул створку.

— Удачной науки с веником.

Когда окно закрылось, Береника посмотрела на меня поверх чашки.

— Ты уже нашла себе занятие.

— Оно торгует орехами и слишком много разговаривает.

— Как раз столько, сколько тебе нужно.

— Не делай вид, что все поняла по трем фразам.

— По четырем. Первую он сказал еще до того, как ты выпрямилась.

Я взяла карту, чтобы убрать ее в ящик, и чуть не опрокинула сливки. Береника промолчала, что с ее стороны было куда более неделикатно, чем любой комментарий.

Перед уходом она примерила мой красный шарф, решительно отвергла его для бухты и вернула на крючок. В прихожей я привычно шагнула проводить ее дальше. Воздух мягко остановил меня у порога. Я знала, что так будет; все равно досада накрыла заново, горячая и глупая.

Береника уже спустилась на ступень ниже, но оглянулась.

— Хочешь, я еще побуду?

— Нет. Ты хотела посмотреть ткани до закрытия. Иди.

— Мне действительно нужно.

— Я знаю.

Мне понравилось, что она не принялась уверять меня, будто ткани подождут. Я только помахала рукой со своей стороны проема и закрыла дверь. Потом, рассердившись на павильоны, сняла еще один. Последний оставила: он мне нравился, когда не лез в лицо.

Ближе к вечеру я работала у уличного окна. На перекрестке скрипела тележка, кто-то торговался за связку лука, а я вырезала тонкие полосы для желтых бумажных цветов. Город жил без моего участия, и сегодня это уже не казалось личной невежливостью с его стороны.

Было уже поздно, когда я вернулась на кухню за водой. В окне напротив никто не показывался. Я задержалась у стекла, глядя на темный прямоугольник, пока из прохода со стороны площади не донесся стук колес.

— Веккер! — окликнули со двора. — Бальтазар, все продал?

— Почти все. Я сегодня почти безупречен!

— Посмотрим, что скажет Эразм!

Я прикрыла створку прежде, чем он поднял голову. Имя оказалось удивительно подходящим: большое, нарядное, с местом для паузы посередине. За стеклом раздался его смех. Я еще держала руку на задвижке, хотя окно давно было закрыто.

Глава 2. Пакет без записки

Пятого сентября я дважды переносила работу из комнаты в комнату и ни разу не призналась себе, зачем.

У уличного окна было светлее. В гостиной лежали линейки, пресс для бумаги, коробка с обрезками и все мои привычки. Зато из кухни было видно квартиру напротив. Я объяснила себе, что новая желтая бумага лучше смотрелась рядом с зеленой занавеской, перетащила стопку листов, а затем обнаружила, что для работы мне не хватает примерно половины стола и всего здравого смысла.

Соседское окно оставалось закрытым.

Я раскроила четыре листа, сложила шестнадцать заготовок и сварила кофе. Пятый день дома не стал от этого короче. В квартире напротив мелькнула чья-то тень. Я выпрямилась так быстро, что желтая полоса приклеилась к локтю.

Бальтазар распахнул окно с кувшином в руках. На нем была темная рубашка с подвернутыми рукавами. Он поставил кувшин на свой подоконник и взял с полки миску, не глядя в мою сторону. Я наклонилась над бумагой. Потом решила, что наклоняться поздно, и снова подняла голову. На этот раз он меня увидел.

— Опыт продолжается?

— Теперь я работаю за деньги.

— Могу выслать своим орехам повестку. Они вчера очень

плохо вели себя при расфасовке.

— Вашим орехам полезно остаться у вас. Они уже привыкли.

Он рассмеялся и ушел с кувшином в глубину квартиры. Я ожидала продолжения. Его не последовало.

Я допила кофе, вырезала еще одну полосу и принялась сердиться. Мужчина не обещал развлекать меня по утрам. Мужчина, насколько я знала, вообще пока не обещал мне ничего. У мужчины имелся кувшин, и, возможно, он ценил его общество выше моего. Все это были безупречные доводы, от которых бумага складывалась хуже.

Доставщик принес лимон, веник и заказанный раньше тюк плотных листов. Я сама занесла его в гостиную. Под тюком обнаружился счет за бумагу, на который я поглядела с облегчением: одна марка и четыре медяка были вполне понятной причиной недовольства. Два медяка за доставку я положила отдельно. Доставщик принял оплату, оглядел мою желтую кухню и спросил, не готовилась ли я к празднику.

— К окончанию работ, — сказала я. — Пока неясно каких.

После его ухода я испытала веник. Он великолепно справился с шелухой, не потребовал ни чар, ни признания собственного таланта и безропотно встал в угол. Из соседского окна никто этого не видел. Я решила, что некоторые достижения все же заслуживают публики.

Через полчаса постучали снова.

Бальтазар стоял на лестнице с бумажным пакетом. Вблизи он оказался выше, чем представлялось через двор, и вовсе не так аккуратно причесан, как должен был бы человек, столь довольный своей внешностью. На виске торчала упрямая прядь. Темные брови придавали ему насмешливый вид даже тогда, когда рот оставался серьезным.

— Я по поводу веника, — сказал он.

— Жалоб не поступало.

— Я смотрел из окна. Он у вас трудился без жалованья.

Значит, все-таки видел. От этой маленькой победы я чуть не улыбнулась слишком широко.

— Вы следите за моим хозяйством?

— Только за успехами, которые могут задеть мою торговую гордость. Вот. Орехи. Часть того, что сегодня повезу на площадь.

Он протянул пакет, не делая шага внутрь. Я взяла его со своей стороны порога. Бумага была теплая и чуть жирная у дна; пахло корицей, перцем и еще чем-то сладким, что мне захотелось немедленно попробовать.

— За веник полагается подарок?

— За то, что вы наконец позволили ему проявить себя.

— А если серьезно?

Он повел плечом.

— Мне захотелось принести вам орехи. Серьезнее у меня сегодня ничего нет.

Это было лучше большинства ответов, которые я успела

за него придумать. Я отступила от порога.

— Заходите. У меня есть кофе. Он уже не свежесваренный, зато я могу сварить другой.

Бальтазар посмотрел за мое плечо, потом на печать над дверью. Я успела приготовиться к очередной шутке о гусях. Он спросил совсем другое:

— Дверь оставить открытой?

— Зачем? Чтобы соседи тоже захотели кофе?

— Я не знал, есть ли какие-нибудь правила.

— Есть. Гостям положено вытирать ноги.

Он обстоятельно провел подошвами по коврику и вошел. Я закрыла за ним дверь. Вот и все: ни печать, ни квартира не придали этому событию того значения, которое оно уже приобретало в моей голове.

На кухне он сразу увидел красного павлина.

— Вы его починили.

— Собрала. У бумаги нет гордости. Можно начать сначала.

— Завидное устройство.

Он потянулся к стулу, на котором лежали заготовки, и остановился. Я убрала их в коробку. Он сел и разжал пальцы, словно собирался наконец поставить пакет на стол. Пакет я уже забрала у двери; возле кофейника он стоял на виду. Бальтазар поглядел на собственную ладонь: в ней оказался только сложенный край фартука, перекинутого через локоть.

Я не сказала ничего. Мне нравилось, что этот уверенный

в себе человек тоже мог запутаться в самом простом движении.

— Вы живете напротив давно? — спросила я.

— Седьмой год. А вы на пятом году наконец заметили, что у соседей есть окна.

— Раньше я смотрела преимущественно на улицу.

— Разумно. Здесь зрелищ немного. Кондрат, белье, я.

— Вы поставили себя после белья.

— Сегодня оно свежее.

Я засмеялась и отмерила кофе. Он следил за тем, как я обращалась с маленькой медной посудиной, и не пытался советовать. Это радовало почти так же сильно, как его ошибки с пакетом.

— Меня зовут Устинья Рутц, — сказала я, когда вода начала тихо шуметь. — На всякий случай. Все остальные сведения вам, кажется, уже сообщили через двор.

— Бальтазар Веккер. И мне сообщили только про гусей. Еще слышал, что вы делали бумажный сад в комнате у пожилой торговки лентами. Она приходила ко мне и жаловалась, что живые растения теперь кажутся ей недостаточно воспитанными.

Я улыбнулась уже без оглядки.

— Они у нее всегда закрывали вывеску. А бумажные я расположила выше.

— Вы ими управляете?

— Складками. Небольшими чарами можно удержать

сложную форму до заката. Потом она распускается. Для постоянного украшения приходится все делать руками: промазывать, сушить, укреплять. Чудесная профессия для женщины, которая хотела бы ничего не делать.

— Это у меня. Я весь день продаю удовольствие.

— И оно само добирается до прилавка?

Он поглядел на свой фартук.

— Утром удовольствие требует, чтобы его перебрали, приготовили, остудили, разложили и отвезли. Но после четырех становится удивительно независимым.

Я поставила чашки. Орехи оказались еще лучше, чем помнилось: вначале сладкие, потом теплые от пряности. Он смотрел, как я пробовала, и тщеславие на его лице было таким откровенным, что мне захотелось его подразнить.

— Сносно.

— Вы уже взяли третий.

— Мне требуется надежное мнение.

— Возьмите четвертый. Он убедителен.

Когда он улыбнулся, я заметила чуть выступавший вперед передний зуб. Улыбка вышла неровной, и я запомнила ее сразу.

Мы сидели за столом, на котором еще вчера я пыталась устроить прием для бумажных павильонов. Он расстегнул верхнюю пуговицу жилета, потому что на кухне было тепло. Я не стала делать замечание. У меня вдруг оказалось много простых желаний: чтобы кофе кончался медленнее, что-

бы ему нравилась моя смешная красная чашка, чтобы при следующей встрече он вошел без этой короткой остановки на лестнице.

Вместо всего этого я спросила:

— Вы правда умеете отличать честных голубей?

Он на секунду задумался, потом рассмеялся.

— Значит, вы покупали у меня.

— Два пакета. По-моему, я стала жертвой неоправданной доверчивости.

— Не помню, чтобы вам не понравились орехи.

— А меня вы помните?

Вопрос прозвучал быстрее, чем я успела придать ему насмешливую форму. Бальтазар поставил чашку.

— Синий шарф. Вы все время пытались убрать его конец с прилавка, а ветер возвращал обратно. Потом сказали, что шарф явно голоднее вас.

Шарф был зеленый. Я не стала исправлять.

Он помнил достаточно.

Мне захотелось сделать для него что-нибудь такое, чего не умел веник. Я взяла небольшой серый лист и провела ногтем по диагонали. Пальцы сами нашли знакомый рисунок сгибов. Крылья, длинная спинка, узкий клюв. Из обрезка получилась чайка с наглым выражением, насколько бумага вообще допускала выражение.

— На площади такие воруют крошки? — спросила я.

— На площади они воруют все. Один раз у Эразма унесли

деревянный шарик от головоломки. Правда, потом вернули.

— По гарантии?

— Думаю, не разобрались в устройстве.

Я привязала короткую нитку к легкой фигурке и подняла ее над столом. Без чар она удерживала бы форму похуже; я собрала складки знакомым движением, и крылья немного выгнулись. Чайка не стала живой, не обрела намерений, просто получилась неожиданно самодовольной. Я поднесла ее к носику кофейника.

— Ваш самый взыскательный покупатель.

Бальтазар проследил за птицей. Я хотела качнуть ее у самого края, но задела рукой висящий павильон. Нитка дернулась, чайка нырнула к посуде, и он поймал ее ладонью раньше, чем она угодила в кофе.

— Этот пока не платил.

Он положил птицу рядом с пакетом. Кончик крыла слегка помялся. Я заметила, какие у него большие руки рядом с моими крошечными складками, и на мгновение забыла, что хотела возразить.

— Вы мешаете развитию искусства, — сказала я наконец.

— Я спасаю собственный кофе. Искусство могу поддержать отдельно.

Он осторожно расправил крыло указательным пальцем. Получилось плохо. Увидев это, он не стал изображать знатока и передвинул чайку ко мне.

— Вот тут, кажется, лучше вы.

Я поправила сгиб. Он смотрел уже на мои руки.

В окне за его плечом тянулось белое полотно: кто-то на верхнем этаже развешивал белье, и тень ненадолго легла на наш стол. Я подумала, как странно было узнать человека на расстоянии четырех метров и все-таки до последнего не представлять, как близко он мог сидеть.

Бальтазар глянул на часы и поднялся.

— Мне пора. Надо еще забрать короб и заехать за новой бумагой для пакетов.

— Уже?

— К четырем прилавок должен стоять. Иначе Эразм решит, что я богатею без его разрешения.

Я знала про четыре часа. Он сказал сам. От знания ничуть не легче было расстаться с тем, как он сидел за моим столом, вытянув длинные ноги и следя за бумажной птицей.

— А бумага у меня есть, — сказала я, прежде чем подумала.

Он оглядел желтые листы.

— Ваша слишком нарядная. Покупатели потребуют съесть и пакет.

— Я не предлагала желтую. Есть обычная.

— Спасибо, но уже заказана целая стопка. Мне останется только забрать.

Я кивнула и понесла чашки к мойке, чтобы не смотреть на него с предложением немедленно пересмотреть все дела. Он взял фартук и пошел в прихожую. Я провожала его до двери

без попытки шагнуть дальше.

На лестнице он обернулся.

— Кофе был хороший, Устинья.

— Орехи тоже почти оправдались.

— Остаток оставляю на дальнейшее испытание.

Его голос в тесном проеме звучал ниже, чем через двор. На секунду мне захотелось спросить, когда он вернется. Не с площади, а ко мне. Но гость, которого хотелось удержать, мог об этом догадаться, а я еще не придумала, под каким предлогом позвать его снова.

— Испытание будет строгим, — сказала я.

Он спустился, и я услышала, как внизу хлопнула дверь.

Вернувшись на кухню, я нашла на столе бумажную чайку. Она стояла боком к пакету, как будто сторожила его. Никакой записки не было видно. Я даже не подняла пакет, чтобы проверить, нет ли ее под ним, и тем особенно ясно показала себе, что проверять хотелось.

Я убрала чайку в сторону, перенесла работу обратно в гостиную и закончила четыре цветка за то время, которое утром потратила на одну полосу. Работа пошла, когда смотреть стало не на кого.

К закату чары в складках чайки ослабли. Крылья распрямились, птица осела на стол, превратилась в серый лист с заломами. Я расправила его окончательно и положила под пресс: из хорошей бумаги можно было сделать еще что-нибудь.

На кухне остался пакет. Я съела несколько орехов прямо стоя, свернула край и убрала его на полку. Пустая квартира не досаждала мне: в ней были свет, работа, ужин, удобная кровать. Не хватало совершенно определенного человека, который три часа назад не сумел расправить бумажное крыло.

Глава 3. Приглашение с перцем

Я позвала его на обед с ложкой в руке. Ложка требовалась исключительно для храбрости: если бы Бальтазар отказался, я могла бы немедленно занят

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.